

В АРХИВЕ РАХМАНИНОВА

Корр. «ИЗВЕСТИЙ»

ИЗЯЩНЫЙ, мельчайший почерк... Листочки бумаги с названиями отелей Парижа, Рима, Лондона, Вены, Брюсселя, Чикаго, Далласа, Лос-Анджелеса — десятков западноевропейских и американских городов... Это письма Сергея Васильевича Рахманинова, которые можно было бы назвать письмами из вечных гастролей. В концертные поездки он отправлялся с женой Наталией Александровной и письма из отелей слал ее сестре — «милый Сонечке», которая была для него другом, советчицей, помощницей. Сейчас Софья Александровна Сатина живет в Нью-Йорке, а письма, заботливо собранные ею, хранятся в библиотеке конгресса США, как и многое другое из архива великого русского музыканта. С любезного разрешения г-на Эдварда Уотерса, главы музыкального отдела библиотеки, ваш корреспондент ознакомился с этим архивом. Часть его была вскрыта лишь на днях; в связи со столетием С. В. Рахманинова.

Там десятки, если не сотни писем Рахманинова С. А. Сатиной, Е. И. Сомову, личному секретарю на протяжении многих лет, и другим. Архив ждет более пристального изучения музыковедами, и, насколько можно понять, препятствий с американской стороны не будет.

В письмах предвоенных и пер-

вых военных лет прорываются тревожные ощущения: 27 января 1941 года он пишет С. А. Сатиной из безмятежного, казалось бы, Голливуда: «Мы живем, поистине, в страшное время. Даже то, что мы переживали во время мировой войны (имеется в виду первая мировая война.—С. К.), кажется в сравнении с настоящим чем-то другим, тогда были где-то, в каких-то странах, светлые пятна. Сейчас, мне кажется, что катастрофа распространяется на весь мир и поглотит всех и вся. Не дай, господи. Советы жить только настоящим днем, по совести говоря, не выдерживают никакой критики. Кто же живет только сегодняшним днем и кто это, кто не думает хотя бы о близком будущем? И как можно о нем не думать? Ведь не звери же мы?»

Как известно, живя «в беженстве» (слова Рахманинова), он не понимал революционных перемен в Советском Союзе. Он ошибочно полагал, что и новая Россия не знает и не хочет знать его. Удивлением и грустным удовлетворением дышат строчки из письма С. А. Сатиной от 29 августа 1942 года. Оставалось несколько месяцев до его семидесятилетнего юбилея, который ему так и не суждено было встретить. Рахманинов писал: «Посылаю еще три заметки по

поводу моего юбилея, написанные в Москве, в Москве, переведенные для помещения, якобы, в здешних газетах и присланные мне с милым письмом из Русского Посольства в Вашингтоне. Таким образом большевики все же первые вспомнили, вероятно, единственные, которые вспомнят. Всех остальных это мало интересует...»

Прожив четверть века за границей, по большей части в Америке, Сергей Васильевич никак не поддался «американизации». Оставался глубоко русским человеком по привычкам и окружению, и на предсмертном ложе, как видно из воспоминаний его вдовы, ухаживала за ним специально разысканная в Лос-Анджелесе русская сестра милосердия. В голодные двадцатые годы он не забывал о российских музыкантах. В архиве его есть сотни писем с выражениями признательности за продовольственные посылки, направленные Рахманиновым в Петроград, Москву, Киев, Саратов через АРА—американскую администрацию помощи России.

Музыкант преображался в поэта, когда говорил или писал о родной земле и стране, куда уходили все его корни — жизненные и творческие. В его неоконченных воспоминаниях есть описание Ивановки, имения под Тамбовом, в котором Рахманинов был с детства и которое купил за несколько лет до революции. В 1931 году в Америке он говорит: «...Туда, в Ивановку, я всегда стремился. Положа руку на сердце, должен сказать, что и доныне туда стремлюсь. Надо ли описывать вам это имение? Никаких природных красот, к которым обыкновенно причисляют горы, пропасти, моря — там не было.

Имение это было степное, а степь — это тоже море без конца и края, где вместо воды сплошные поля пшеницы, леса и т. д. От горизонта до горизонта. Часто хвалят морской воздух, но если бы вы знали, насколько лучше степной воздух с его ароматом земли и всего растущего...»

Как поэт, он говорил и о музыке. Вот на запрос некоего Уолтера Кунса, на крохотном листочке бумаги Рахманинов 30 декабря 1932 года набросал такое элегическое определение музыки:

«Что такое музыка? Это тихая лунная ночь: это шелест живых листьев: это отдаленный вечерний звон: это то, что родится только от сердца и что идет только к сердцу: это любовь. Сестра музыки — это поэзия, а мать ее это грусть».

В связи со столетием С. В. Рахманинова в Вашингтоне в библиотеке конгресса открыта юбилейная выставка. Она небольшая, размещена в коридоре музыкального отдела и еще в одной комнате. Экспонатов немного, но со вкусом подобраны фотографии, нотные рукописи. Несколько раз по пути в комнату, где хранится архив, я проходил этим коридором. И всегда он был досадно пуст. И на эту пустоту смотрел с прекрасных фотографий суровый на вид человек с вдохновенным лицом. Нельзя сказать, что в Америке совсем не откликнулись на рахманиновскую годовщину, но пустота этого библиотечного коридора доказывает то, что не нуждается в доказательствах: пусть в американской земле погребено его тело, пусть всему миру принадлежит его музыка, но по-настоящему, сердцем он принят в родной стране, в СССР.

С. КОНДРАШОВ.

ИЗВЕСТИЯ
г. МОСКВА

— 6 APR 1973